

Григорий Мокеев

БЕСТЕЛЕСНЫЕ

КНИГА I

Григорий Мокеев

Бестелесные. Книга 1

2020

Мокеев Г.

Бестелесные. Книга 1 / Г. Мокеев — 2020

Амадео родился в очень странном мире. Здесь все вроде бы как у нас, но по какой-то непонятной причине у людей в подростковом возрасте душа отделяется от тела. Улетает в рай или ад, коротать вечность.

Телесные оболочки остаются на Земле, бродят бессмысленно по свету либо прислуживают могущественным священникам, выполняя лишь простейшие действия, заученные в детстве. Никто не может объяснить Амадео, почему так происходит, да юноше, честно говоря, и не до поисков ответов на жизненно важные вопросы. Его душа задержалась в теле дольше обычного, до 18 лет, поэтому никакого рая уже не светит. Остается одно направление – ад!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Григорий Мокеев

Бестелесные. Книга I

Глава 1

Земля

– Эй! Амадео! Как тебе последние деньки на Земле? – с мерзкой улыбочкой протянул кудрявый мальчишка лет двенадцати.

– Уже смирился с вечными муками, которые тебя ждут? В Рай теперь не попадешь – больно ты припозднился, Амадео! – подхватил его курносый приятель.

Нет. Не смирился и свое тело покидать не собираюсь! В конце концов, у священников ведь получилось, чем я хуже? Может быть, Бог считает, что я достоин остаться на земле? Наверное, так думает каждый: «Я особенный, со мной этого не случится». Но вдруг?

– Пошли вон отсюда! – рявкнул я, сжимая кулаки.

Малолетние придурки со смехом умчались. За последние два года я уже привык к таким выпадам, но настроение все равно поползло вниз. Надо было с первыми лучами солнца свалить из этого проклятого монастыря и вернуться ближе к ужину.

По коридору распространяется противный запах вареного лука, вызывающий желание задержать дыхание. Живот предательски заурчал – пожалуй, все-таки придется наведаться в столовую. В конце концов, чего я еще не слышал? Хорошо хоть, остальные немного побаиваются – ведь мне уже восемнадцать, а душа все еще не покинула тело. Значит, по их мнению, она чернее самой черной ночи, и связываться с такой сволочью себе дороже.

Дверь справа распахнулась, и в коридор неторопливо вышел Священник. Старая серая мантия, там и тут пожеванная крысами, висит на худом теле мешком, голову скрывает капюшон, в руках – веревка, другой конец которой тянется к шее симпатичной брюнетки.

– Почему господин Священник ведет Рэю за веревку? – тонким голосом пропищала малявка лет четырех, тоже наблюдавшая это явление, накручивая светлый локон на палец. Ожидая ответа, она требовательно уставилась на более взрослую приятельницу, приставленную к ней в роли няни.

– Это уже не Рэя! Душа Рэи теперь в Раю, а это просто тело. Не жалея его! – строго ответила няня, отводя глаза.

– А я тоже попаду в Рай? – округлив глаза, поинтересовался ребенок.

Если повезет, то да. Я не умею контролировать свое лицо, и на нем наверняка всплыла горькая улыбка.

– Конечно! Как только четырнадцать исполнится, сразу к Богу полетишь!

Я уже не слушаю их, мне жалко эту девушку на привязи. Еще каких-то пару часов назад она была живой, испытывала чувства, эмоции, заглядывалась на парней и наверняка нравилась кому-то. А теперь... безмозглая кукла, способная выполнять лишь самую простую работу. И ведь внешне пока никаких признаков скотства заметить невозможно. Среднего роста, гладкая смуглая кожа, широкие скулы – все очень обычное. Кроме глаз – абсолютно пустые, безжизненные, пугающие. За всю жизнь так и не смог привыкнуть к тысячам примитивных пустых тел, обитающим в Инраме.

Ладно, сколько раз я уже видел подобную картину, надо идти дальше. Может быть, удастся пообедать, пока не очень много народу. Шаг... в пустоту. Застыли в забавных позах нянька с девчушкой, священник, тело на поводке. Исчез «аромат» кухни, и даже нога, ушибленная на тренировке, перестала ныть. Исчезли звуки, тишина бьет по ушам – я оглох? Что

вообще происходит?! Лихорадочно оглядываясь, замечаю парня, который пристально на меня уставился – или сквозь меня? Длинные черные волосы, достающие до плеч, худощавое телосложение, компенсируемое широкими плечами. Брови, хоть и не слились в одну линию, все равно кажутся очень густыми. Стеклянные зеленые глаза... Нет, он не смотрит на меня, показалось – в этих глазах ни признаков жизни, ни эмоций. А похож... на меня?! Или же это я и есть?! О нет, остановите это, я не хочу!!! Верните меня в мое тело! Не-е-ет!

Глава 2

Ад

Тьма крошечная – ни намек на луч, тень, звук. А вдруг когда-нибудь свет... не зажжется? Вечность в темноте – мой самый страшный, хм, беспросветный сон. Я ведь даже не могу себя убить, потому что душа бессмертна. Остается сидеть в чернильном мраке, лишенным осязания, пытаться не сойти с ума от давящей тишины. И медленно забывать прошлую жизнь, солнце, Инрам, монастырь, других людей и самого себя.

К счастью, Ад постоянен: тусклая лампочка загорелась безжизненным светом, как и триста шестьдесят пять раз до этого. Можно расслабиться – из черноты вынырнули идеально ровные серые стены и одинокий стул посреди комнаты. Вечная тьма мне сегодня не грозит. Интересно, как пахнет комнатуха? Будучи бестелесным духом, я никогда этого не узнаю, а так хочется ощутить хоть какой-нибудь аромат! А еще лучше – испытать настоящее, человеческое чувство. Боль, холод, голод, жажду... Хоть что-нибудь!

Массивная металлическая дверь бесшумно приоткрылась. Пора идти. Отвратительная железная кровать противно заскрежетала, смиряясь с моим подъемом. На стуле небрежным комком валяется серая рваная мантия. Униформа. Из груди сам собой вырвался смешок – никогда бы не подумал, что смогу воспринимать всю эту клоунаду как нечто абсолютно нормальное.

Коридор, как и всегда, встретил давящей тишиной (будто уши заложило), которая бывает от искусственного подавления звуков. Пол, стены, потолок покрывает черный мрамор – создатель этого места не долго думал, как добиться гнетущей атмосферы. По центру коридора, как луч, уносится вдаль бесконечный деревянный стол, вытертый добела миллионами локтей. Даже представить не могу, насколько он должен быть длинным, чтобы уместить за собой все души, «живущие» в Аду.

А вот и они – из всех комнат одновременно к центру коридора поползла серая масса – одетые в хламиды мои товарищи по несчастью. Какие же они разные. Один выглядит как мой ровесник, другому нельзя дать меньше тридцати. Тут есть даже старикашка! Не очень общительный, вызывающий смутную тревогу. Неужели душа способна стареть? Странно – за минувший год я не заметил в себе абсолютно никаких изменений. Но и дожить в человеческом теле до старости он тоже не мог – не было еще такого случая.

Из соседней двери выглянула кудрявая голова, следом вывалился ее обладатель – невысокий коренастый паренек. Нос картошкой, брови изогнуты невообразимой дугой. Это Лоренц – первый человек, с которым я тут познакомился. Приветственно махнув мне, указал пальцем за стол. Как же раздражает местная магия, позволяющая общаться вслух лишь во время обеда!

Повернув голову в указанном направлении, слева от моего места вижу новый стул, которого вчера еще не было. Кажется, у нас новенький, только вот появляться не спешит. Оно и понятно: мало кто осмеливается выйти в коридор сразу после попадания в Ад.

Вспоминаю свое «прибытие» и вздрагиваю, снова переживая тот самый первый ужас. Я еще таранился на свое безжизненное тело, когда вдруг все померкло – тьма лишила меня глаз, но не слез. Тщетные попытки достучаться до Бога, гаснущая с каждым мгновением надежда, что это всего лишь сон. Не знаю, сколько провел времени, ничего не слыша, кроме собственного дыхания, ничего не чувствуя, кроме жжения в груди и бешеного страха, что это навсегда. По моим внутренним ощущениям, до того, как зажегся свет, и я увидел серые стены своего нового дома, прошла целая вечность. Тогда я даже обрадовался виду собственной клетки. А затем слегка приоткрылась дверь...

От нахлынувших воспоминаний по спине пробежали мурашки – надеюсь, этому парню сейчас легче, чем мне когда-то. Но он тоже появился ночью, и тоже, наверное, оплакивал свое зрение, пока не зажегся свет. Ну, ничего, скоро ему все расскажут, как мне когда-то.

Вздыхнув, я опустил на стул. Рука привычным движением схватила перо. Медлить нельзя, иначе невидимая сила просто затянет меня обратно в комнату, и дверь откроется вновь лишь на следующий день. А я очень не хочу оставаться на целые сутки один на один с накачивающим безумием – надолго ли хватит сил бороться?

Вывожу «2 000 016...» – а у меня явно улучшился почерк! Вот бы хвалили священники на занятиях, если бы увидели эти идеальные цифры – точно не погнажи бы в наказание мести улицы. Эх, все на свете отдал бы, чтобы вновь помахать метлой! На свежем воздухе, под настоящим солнцем...

«2 000 017...» – интересно, я когда-нибудь дойду до такой цифры, что мне будет необходимо потратить несколько лет, чтобы ее записать? В носу начинает покалывать – стоп! Лучше не думать о бессмертии.

«2 000 018...» – как же я все это ненавижу! Зачем Богу вообще понадобилось нас так мучить? На кой черт ему сдались эти проклятые цифры?! Оторвав на миг взгляд от бумаги, замечаю, как старик, сверкая глазами, размахивает пером. Неужели ему действительно нравится это занятие? Все остальные, в общем и целом, выглядят так же, как я. Поникший взгляд, редкое передергивание плечами, рука подпирает голову.

«2 000 019...» – и почему нельзя разрешить нам разговаривать? Какой идиот придумал обед для душ (нас здесь кормят!)? Зачем все эти правила и условности в аду?

«2 000 020...» – какое красивое число. Надо будет как-нибудь отметить, когда настанет время семи двоек. Это что-то вроде местной традиции. Когда у меня вышло семь единиц, Лоренц отдал мне свою тарелку безвкусной коричневой жижи.

Время тянется бесконечно долго, искушение бросить все и уйти в свою комнату невероятно велико. Но я знаю, что из этого выйдет. Вновь лежать, пялиться в потолок и жалеть себя. Нет, лучше уж отвлечься на гениальный в своей бессмысленности счет. Священники Инрама обманывали нас – все эти годы мне приходилось слышать байки об огненных котлах, вилах и демонах. А в итоге – бумага с пером. Вокруг мертвая тишина, но воображение работает безупречно: словно наяву слышу скрип тысячи перьев, шелест пергаментов, стоны измученных монотонностью душ, произносимые полупшепотом молитвы. В воздухе витает воображаемый запах сырости, чернил, пыли и крысиного помета (откуда?). Все это кажется настолько реальным, что заставляет задуматься о психическом состоянии – и не меня одного. Лица становятся все мрачнее, все раздражительнее скрипят перья, которые все чаще ломаются. И, когда сидящие начинают потихоньку ненавидеть друг друга, перья исчезают из рук, а спустя долю секунды – и бумага. Пора встречать хозяев (а может, слуг) этого места. Они с нами не разговаривают и на вопросы не отвечают. Спина похолодела от моментального сквозняка, когда вдоль стола пронесли три тени – настолько быстро, что получается разглядеть лишь расплывчатые черные силуэты. Этот вихрь оставил после себя вполне материальные (по крайней мере, видимые) предметы – железные миски, наполненные безвкусной гадостью. Но все едят, так же, как и все спят, хотя вполне могут без этого обойтись. Очень хочется чувствовать себя хоть немного живым!

Тут, словно по щелчку, наконец, включился звук. Помещение мгновенно наполнилось тысячами голосов и обрывками бесед, которые будто и не прерывались на сутки.

– Ты на какой цифре остановился?

– Что ты несешь?! В Инраме вообще нет деревьев.

– А мы один раз утопили тело...

– Ну как? Рад, что у нас новенький появился?

Лишь спустя пару секунд я понял, что последний вопрос адресован мне. Лоренц улыбается, а в этом месте редко можно увидеть улыбку.

– Немного, – пожал я плечами. – Почему у тебя такое довольное лицо?

Приятель лихо взъерошил пятерней свою кудрявую гриву. Кто поверит, что ему уже за 400 лет перевалило? Ведет себя как подросток. Ад – не лучшее место для взросления.

– А ты не знаешь? Это ведь тебе, дорогой друг, предстоит вводить этого бедолагу в курс дела, – продолжая улыбаться, заявил он.

Мне?! Да я ведь и сам толком ничего не знаю! У того же Лоренца с его опытом адской жизни получилось бы с этим справиться намного лучше.

– И что мне ему говорить? – обреченно поинтересовался я.

Лоренц, уже не глядя на меня, принялся копать ложкой в крайне неаппетитной жиже.

– Да все! То же самое, что я тебе год назад сказал. Объясни, чем мы занимаемся, кто здесь хозяин, местные правила... И к каким чертям он может послать нашего милосердного Бога, – лицо парня утратило веселость.

– Это тоже традиция? – сдавшись, спросил я.

– Именно. В курс дела посвящает младший из ближайших соседей. В твоём случае это был я, – самодовольно добавил он после небольшой паузы.

Ладно. В конце концов, мне и самому будет интересно пообщаться с новым человеком.

* * *

«Рабочий» день подошел к концу, уставшие души неторопливо покидают свои места, и я тоже. Не хочу отставать, еще десять минут – и свет погаснет. Лучше к этому моменту ощущать под собой кровать, а не болтаться в черноте. Металлическая дверь моей «клетки» приветливо распахнулась. Одна нога была уже в комнате, когда до слуха донесся человеческий визг. Визг! Услышал! Голову разрывает, сердце бьется чаще. Мой новый сосед не из простых ребят. Голос доносится именно из его комнаты! Дверь, устав ждать, толкнула меня в спину и, как обычно, совершенно бесшумно захлопнулась. Надо быстрее добраться до кровати. Впервые за целый год у меня есть настоящие причины ждать утра и желать скорого наступления завтрашнего дня. Что-то изменилось в привычном распорядке вещей. Изменения возможны!

Глава 3

Рай

Элисс давно утратила привычку следить за временем – какая разница, если ты блаженствуешь на пляже под легким ветерком и никуда не спешишь? В жаркий день ничего лучше не придумаешь! Волны уже почти касаются босых ног – кажется, ветер начинает немного усиливаться. Может, пойти к домику? Да ну, лень менять диспозицию. Это был ее остров: белоснежный песок, пальмы, нависающие над лазурным морем, и ровно в центре – маленький деревянный домик с соломенной крышей. Как в Раю, хмыкнула про себя Элисс. Да это и есть Рай – в точности как его рисуют на открытках и «рекламных проспектах» будущей жизни, которые она видела в Инраме. Дождей, ураганов и прочих погодных неприятностей в этом месте никогда не видели – только вечный солнечный день и вечная летняя ночь.

Вокруг ее островка белели тысячи точно таких же личных владений других счастливиц, оказавшихся в Раю. Элисс всегда было обидно, что все территории абсолютно неотличимы друг от друга – даже пальмы натыканы как по трафарету. Но с этим пришлось смириться – спилить пальму или посадить новую не получится при всем желании, пробовали уже. Элисс была невысокой стройной девушкой с длинной, слегка вьющейся гривой светлых волос. Несмотря на правильные черты лица и выразительные карие глаза, красавицей себя никогда не считала. Да и во время земной жизни особой популярностью у мужской части монастыря не пользовалась. Нет, ее, конечно, иногда звали на свидания, но особой радости от них не было – только лестное удовлетворение женских амбиций. Хотя парням надо отдать должное – с ними Элисс всегда было немного интереснее, больше тем для разговора. Даже дружеские подколки нравились ей больше, чем вечные сплетни соседок по комнате. Другие девчонки, чувствуя такое отношение, начинали ее сторониться и особо не пытались подружиться, хотя Элисс втайне и мечтала найти себе хорошую подругу.

На момент, когда душа девушки отделилась от тела, ей было почти 16 лет. Это давало весомые поводы для волнения: соседки по комнате, которые были одногодками Элисс, давно покинули свои тела, и последние полгода в монастыре она жила одна, сгорая от страха попасть в Ад. Ведь всем известно, куда отправляются взрослые души.

Но все обошлось: за неделю до шестнадцатилетия она потеряла сознание, а очнулась уже на острове. Элисс росла в городе Инрам посреди огромной инрейской степи. Моря девушка никогда не видела, а оно оказалось даже прекрасней, чем на фресках и других изображениях, которые им показывали священники.

Осознание места пришло не сразу. Первое время Элисс думала, что видит эту сказку во сне: все казалось слишком идеальным. Но вскоре по деревянному мостику, соединяющему остров с соседним, к ней пришла знакомиться пухленькая девушка лет двадцати с виду. Она-то и объяснила Элисс все про Рай и остров, который отныне будет ее домом до скончания веков.

Первые недели Элисс была безумно счастлива: целыми днями валялась на пляже, вечерами встречалась со своими ближайшими соседями. Сидя на берегу моря, они болтали о земной жизни, поедая разнообразные фрукты, о существовании которых раньше не подозревали. Но постепенно это место переставало казаться сном наяву: с каждым днем жизнь становилась все скучнее и скучнее, а мир вокруг – все более искусственным. Солнце – слишком яркое, листья на пальмах – слишком зеленые, песок – слишком шелковистый, экзотические фрукты приелись. Прошло три года, а она все так же лежит на пляже и смотрит вдаль, тщетно пытаясь уловить хотя бы малейшие изменения.

Преодолевая лень, Элисс потянулась за яблоком. Фрукты на острова каждое утро доставляли «ангелы». По крайней мере, так называли этих существ в длинных белых балахонах с оди-

наковыми добродушными застывшими лицами. Эти маски пугали – как и все тут – своей искусственностью. Ангелы никогда не отвечали на вопросы и никогда не заговаривали с душами. Все, что они делали – приносили еду.

Элисс откусила яблоко и опять немного загрустила от его идеальности. Да, оно было очень сладким, сочным, но, в то же время, ей ужасно не хватало маленького изъяна, чего-то такого, что отличало бы это яблоко от тысяч других яблок. К несчастью, Элисс была не настолько тупой, чтобы принять Рай таким, как есть. Она не блистала отличными оценками и прочитала не всю монастырскую библиотеку, но ум девушки был подвижен, и многие задачи она решала быстрее, чем любимчики наставников. Также у нее была очень хорошо развита интуиция – уж фальшь от истины Элисс всегда могла отличить. И сейчас от этой фальши у нее сводило скулы.

Так и не доев яблоко, Элисс решительно поднялась – до соседки прогуляться, что ли? Днем тут нечасто ходят в гости – в основном все предпочитают просто лежать на своем пляже или сидеть в домике, глядя на покачивание пальм. Но сейчас девушка остро ощутила потребность хоть в каких-то действиях – очень не хотелось превратиться в одну из этих пальм. От резкого подъема голова начала немного кружиться – очень интересный эффект, учитывая, что она, по сути, является бестелесным духом. Мост привычно заскрипел под ногами. Элисс любила эту переправу: местами она касалась воды, и шлепать босыми ногами по прохладному морю было чрезвычайно приятно. Впрочем, и песок, несмотря на яркое солнце, не обжигал. По версии Элисс, все в этом месте рассчитано только на удовольствия, что немного раздражало. А хотелось настоящего. Чтобы с утра было немного прохладно и можно было укутаться в одеяло, чтобы иногда шел дождь, в котором можно промокнуть до нитки. Земная жизнь, при всех ее недостатках, давала все это, а тут был лишь очень качественный муляж. Иногда девушке казалось, что создатель райского местечка просто никогда не был живым.

Приближаясь к острову приятельницы, Элисс решила спрыгнуть с мостика и добраться вплавь. Вытянувшись в стрелу, девушка грациозно нырнула в волны. Плавала Элисс прекрасно, ведь она с детства жила на самой окраине Инрама, на берегу единственной инрейской реки Иллины. Неудивительно, что купание в речке являлось главной забавой окрестных ребятишек. Правда, после того, как заплывший в черту города крокодил откусил одному мальчику несколько пальцев на ноге, священники стали пытаться контролировать водные процедуры, но результата не добились. Все равно дети настырно лезли в воду. Соленая вода местного моря не очень нравилась Элисс – она была как будто менее освежающей и слишком плотной. Доплыв до берега, девушка огляделась в поисках своей подруги. На пляже Бити не было, значит, скорее всего, валяется дома или в тени пальм. Девушка направилась прямо к дому, попутно присматривая хорошие места, в которых можно примоститься для легкой болтовни. Ничего нового не увидела – абсолютно идентичный остров не оставлял никаких шансов для смены обстановки.

Встав перед дверью, Элисс перевела дух. Она не устала, но преодолевала минутную неловкость – вдруг подруга не расположена к общению, а тут соседка пожаловала? Наконец, пересилив смущение, девушка постучала и принялась ждать. Спустя минуту ей так никто и не открыл, пришлось постучать снова. Опять тишина. Странно, Бити была не особо активной девушкой и редко покидала свой остров – в основном гости навевались к ней. Элисс уже разворачивалась, чтобы убраться восвояси, когда взгляд упал на дверную ручку – та была подозрительно, непривычно бурая. В голову тут же ворвались не самые приятные мысли. С замиранием сердца Элисс толкнула дверь, заранее боясь того, что может за ней увидеть.

* * *

Бити лежала на полу. Ее всегдашний румянец щек поблек, рот приоткрылся, будто пытается сделать еще один вдох, правая рука безжизненно лежала на шее в последней попытке

закрыть рану, из которой до сих пор, кажется, сочилась кровь. В глазах навсегда застыли ужас и непонимание – девушка до последнего момента не могла поверить, что небесная жизнь может прерваться, да еще таким варварским способом.

Элисс одеревенела. Она была не из тех, кто, попав в сложную ситуацию, начинает суетиться, паниковать или звать на помощь. Элисс просто стояла и смотрела, парализованная страхом, неспособная даже закричать. Единственное, что заставило ее двигаться, – мысль, что, может быть, Бити еще жива. Преодолевая слабость, Элисс двинулась к безжизненному телу, пытаясь не замечать, как противно под ногами хлюпает кровь. Протянув дрожащую руку к шее подруги, попыталась нащупать пульс. Пальцы не ощутили никакого биения. Последняя надежда на то, что приятельнице можно помочь, рухнула.

Девушку ударили не только в горло. Второй, уже начавший подсыхать ручеек Элисс заметила под телом – он начинался под спиной жертвы и терялся под массивной кроватью, которая выглядела крайне нелепо в этой деревянной тропической хижине.

Шок начинал немного проходить, и Элисс, оставив слезы на потом, побежала к Лори – самой старшей женщине из всех ближайших соседей. Бежать было недалеко, она буквально пролетела через несколько мостов, ловя на себе удивленные взгляды обитателей, пока не достигла адресата.

– Лори! Быстрее! Там Бити... Бити убили, – Элисс справилась с задачей и теперь пыталась совладать с не вовремя накатившими эмоциями.

Лори смерила ее скучающим безразличным взглядом – кажется, сенсационная новость не произвела никакого эффекта.

– Девочка, зачем нам куда-то бежать, если она уже мертва? Лучше ляг и отдохни, – голос бабушки был уставшим, она даже не пошевелилась. Все, чего она хотела, это возлежать под пальмой.

– Да как мы можем лежать? Бити убили! – от равнодушия старейшины у Элисс некстати полились слезы, которые так долго удавалось сдерживать.

– А ты можешь ее воскресить? Вот и я не могу. Поэтому просто приляг и не думай об этом. На моей памяти около четырех тысяч лет назад одна девушка, чуть постарше тебя, тоже упала замертво. Прямо передо мной. Из виска у нее потекла кровь, и она рухнула как подкошенная, замертво. Ангелы сами уберут остров Бити, не волнуйся. Просто полежи, – Лори говорила очень устало, не глядя в сторону гостьи.

– Умерла? Мы ведь в Раю! Здесь нельзя умереть!!! Как это возможно?! – Элисс начала кричать, пытаясь достучаться до глупой бабки.

– А мне-то откуда знать? Я пойду в дом, а ты, если хочешь, отдохни тут, – Лори начала медленно-медленно вставать – будто старая черепаха, пытающаяся убраться подальше от кричащей и рыдающей Элисс.

Молча развернувшись, Элисс пошла обратно. Нет, она не будет ждать, пока ангелы уберут остров – она сама выяснит, что произошло с Бити. Что вообще может убить душу? Тем более, таким способом. Надо осмотреть хижину и найти хоть какую-то зацепку. Разработав подобие плана, Элисс почувствовала себя увереннее. Беседа с Лори, хоть и не принесла желаемого результата, отрезвила девушку. Лежать под пальмой и ждать, когда что-то подобное произойдет и с ней, Элисс не собиралась.

Чрезвычайное происшествие пробудило в памяти воспоминания о «земной» жизни. Одно время в Инраме действовал своеобразный комендантский час: священники запрещали Элисс и другим ребятам выходить из монастыря после девяти вечера. Ходили слухи, что на окраине появились демоны, ворующие детей. Элисс тогда очень боялась стать их жертвой, но похищения прекратились, и жизнь быстро вернулась в прежнее русло. Неужели и в Раю нет гарантии безопасности?

Погрузившись в мрачные мысли, девушка не заметила, как снова оказалась у домика Бити. Дверь нараспашку, масляные пятна крови матово отсвечивают на солнце. Выдохнув, Элисс зашла внутрь и осмотрелась: не заправленная кровать, корзина с фруктами, принесенная ангелами рано утром, кресло-качалка у окошка. Ничего не указывало на посещение постороннего, никаких следов борьбы. Стоп, следы крови на дверной ручке снаружи – значит, нападение случилось на улице? Возле хижины Элисс не нашла ничего, кроме следов Бити и своих собственных. Она вернулась в дом, решив перевернуть тело, чтобы осмотреть раны на спине. С трудом осуществив задуманное (Бити словно прибавила в весе после смерти), Элисс в ужасе отпрянула: на спине девушки кто-то вырезал ножом целое слово. "ВЕРНИТЕСЬ"...

Глава 4

Ад

Свободное время в монастыре – самая веселая часть суток. Нам с приятелями по 10 лет, и на этот раз мы засели в кустах возле одной из многочисленных площадей Инрама. С утра прошел дождь, и я зябко поеживаюсь от капель, которые ветер стряхивает мне за шиворот с веток. Площадь – классическая, с фонтаном в центре: вода бьет из статуи священника, держащего на руках двух младенцев, на голове церковника – неизменный капюшон, взгляд поднимается к небу. Никаких скамеек – дети и священники тут не задерживаются. Все площади расположены в рабочих кварталах, окруженные по периметру длинными одноэтажными бараками из серого кирпича – жилищами бездушных. Для неразумных тел фонтаны служили водопоями, к которым они приходили утолить жажду или остаточное желание помыться. Лысый крепыш Лео, дрожа от нетерпения, протягивает мне камень.

– Давай, Амадео, твоя очередь! – громко шепчет он.

– Если священники узнают, нас накажут, – я все еще пытаюсь избежать своей очереди. Мне, в отличие от Лео, жалко тело – кинуть в него камень – все равно, что ударить собаку.

– Они ничего не узнают, кидай – ты же видел, мы уже кинули! – от нетерпения шепот Лео начал срывать на крик.

Я взял булыжник и взвесил его в руке – таким и убить можно. Тело полного мужчины перестает казаться хорошей мишенью – в него легче попасть, а я не желаю этого. Между тем, толстяк ловко, кошачьими перебежками, продвигался к воде. К жалости, переполнявшей меня, добавился страх – вдруг он разозлится и погонится за нами? Размышляя обо всем этом, я целюсь уже минуту.

– Ну, давай! Кидай! – пританцовывает рядом Лео, грызя ноготь.

– Да он трус, – буркнул тучный угрюмый Уго.

А вот этого я стерпеть не могу. Да и терять приятелей неохота – их и так немного. А вдруг по монастырю пойдет слух, что я боюсь даже тел? Почти зажмурившись, швыряю камень наугад – вряд ли он попадет в кого-нибудь случайным образом. Вздрагиваю, почти тут же слыша короткий животный визг и глухой удар падающего тела. На лицах товарищей – ни тени прежних ухмылок, только испуг. Что же я натворил? На булыжной мостовой лежит тело совсем молоденькой девушки – из ее виска толчками выходит кровь, окрашивая кусок площади в алый цвет. Нет, я не мог ее убить, я никого не хотел убивать! Дыхание перехватило, ноги одеревенели – как в тумане вижу, как пухлый мужик, неудавшаяся жертва, стремительно и молча несет в сторону барakov.

– Быстрее! Быстрее! – напуганный Лео хватается меня за руку и выволакивает из кустов, увлекая к монастырю.

...Я просыпаюсь в холодном поту. Какое счастье, что проклятая лампочка включилась и не дала досмотреть сон. Хотя сном страшное воспоминание из детства можно назвать с натяжкой – скорее, однообразное ночное дежавю. После того случая я очень долго не мог прийти в себя, а лицо жертвы так и не смог вытравить из памяти. Кстати, с теми приятелями я больше не общался. Теперь они не считали меня трусом, наоборот – начали бояться, думая, что попадание в беззащитный висок было прицельным. Но без их дружбы я не страдал.

Прочь воспоминания, сегодня есть дела поважнее – выяснить, чей стон я вчера слышал. Надо же, стон в лишенной звуков комнате – это же невозможно! Набросив на плечи грязную мантию (интересно, как она могла испачкаться в этом месте?), я с нетерпением стал ждать, когда дверь откроется. Надеюсь, автор стоны сегодня осмелится выплянуть наружу. Едва клетка отворилась, я быстро занял свое место и начал поедать глазами заветную дверь соседа, про-

игнорируя приветливый кивок Лоренца. Я сгораю от нетерпения и пока не написал ни одной цифры. Нужно себя заставить взять в руки перо – кто не работает, тот не ест, а может и обратно в камеру затянуть. Местные старожилы называют это явление "хоботом" – процесс напоминает втягивание слона воды. Не самое приятное ощущение, хоть и абсолютно безболезненное. Наконец я приступаю к записям, постоянно вскидывая глаза к двери. О, вот и движение – едва наметившаяся щель достаточно разверзлась, чтобы... Такое вообще возможно?! Передо мной стоял мальчик лет шести – почему его душа так рано покинула тело? Путаясь в мантии, ребенок направился в мою сторону.

– Здравствуйте, вы священник? Где я нахожусь? – его слова буквально резали тишину, отскакивая от стен коридора. Теперь ошарашенное выражение лица было не только у меня – мы-то до обеда не можем сказать ни слова! Наверное, каждый из нас подумал, что окончательно сошел с ума, а мальчишка, не понимая, чем именно привлек к себе столько внимания, смотрел на меня, ожидая ответа.

– Нет, я не священник. А ты вот, кажется, в Ад попал, – все заготовленные для новичка речи вылетели из головы. Краем глаза я видел, как у Лоренца зашевелились губы. Да что там, они разом зашевелились у всех. Каждый хотел быть услышанным, у каждого появилась вера в то, что теперь больше не надо ждать проклятого обеда и записывать чертовы цифры. Ребенок заплакал – в тишине детский плач разнесся как раскат грома, некоторые даже зажали уши. А другие вскочили и двинулись к мальчишке, пытаясь прикоснуться к феномену. В глазах моего нелюбимого старикашки сквозило безумие – прошли тысячелетия с тех пор, как он слышал детский плач. Я с ужасом понял, что наслаждаюсь этим ревом, как и тем, что череду серых будней разорвало неординарное событие.

Все прекратилось так же быстро, как и началось. В нашу сторону с огромной скоростью из глубины коридора скользнули сразу три тени – с их пути все любопытствующие были отброшены к стене. Меня тоже впечатало в бетон – не больно, но желание двигаться и сопротивляться пропало. Зато загорелось любопытство – неужели сейчас увижу, как выглядят наши надсмотрщики? Лучше бы не видел. На всех троих, остановившихся перед новичком, были черные мантии, под которыми вряд ли прятались ноги (под подолом чувствовалась подозрительная пустота), зато у них были руки – длинные серо-зеленые пальцы с желтыми когтями, никогда не знавшими ножниц.

С одного слетел капюшон, обнажив лысый череп, обтянутый такой же серо-зеленой кожей. Кажется, меня слишком откровенно передернуло. Тварь почувствовала взгляд и уставилась прямо на меня: голубые холодные глаза без намека на зрачки, впалый нос и беззубый рот. Внешне она напоминала червя с человеческим телом. Хотя бояться нечего (я уже в Аду!), шевелиться под этим взглядом не хотелось. Но теней интересовал не я. Их интересовал мальчик, скорчившийся в страхе на каменном полу. Кажется, тени были в смятении и сами не знали, что произошло и как с этим разбираться. Они принялись совещаться, и от их голосов впервые за год я почувствовал не только вполне осязаемую, но и дикую боль. Словно тысячи летучих мышей принялись пицать в гигантские рупоры – голову чуть не разорвало, но я из последних сил пытался сохранять сознание. Последнее, что я увидел перед провалом в темноту, – искаженное ужасом лицо мальчика. ***

Я не знаю, сколько времени провалялся на сером каменном полу. Лампочка горит, дверь наглухо закрыта – видимо, в бессознательном виде меня втянуло в келью. Очевидно, что местная система дала серьезный сбой, но сейчас меня больше всего волнует судьба бедного мальчика. Интересно, что они могут сделать с бестелесным духом? Хотя они точно могут. Я вспомнил дикую, разрывающую голову боль. Еще пару дней назад я был искренне уверен, что уже ничего на свете не может принести мне вред, по крайней мере, физический. И вот теперь я валяюсь на полу в своей комнате, пытаюсь сообразить, как тени поступят с нами, свидетелями их позора. Ведь мы стали свидетелями того, что в этом месте априори невозможно – непорядка.

И еще мне стыдно. Когда тени приблизились к ребенку, я абсолютно ничего не сделал, чтобы помочь ему. Я, конечно, могу оправдать себя тем, что тени в сотни раз сильнее и могущественнее меня, но это будут всего-навсего оправдания. Я даже не пытался. Как последний трус, я думал только о своей шкуре и своей боли, хотя, казалось бы, в Аду мне терять нечего. И не только я – никто не шелохнулся. Мы все жались к стенке, как стадо трусливых овец, увидевших волка. Что это место с нами сделало? Где былая страсть, смелость, где хоть какие-нибудь чувства, кроме страха, любопытства и жалости к себе? Мои кулаки начали сжиматься. Я не хочу быть таким, мне противно видеть, во что я превратился. На Земле я никогда сам не нарывался на конфликты, но, когда дело доходило до явной несправедливости, пройти мимо не мог. И почему-то тогда меня не особо волновали последствия – в зрелом возрасте я не боялся гнева священников и возможных травм. Такое впечатление, что здесь из меня высасывают не только радость жизни, но и то, что делало меня человеком. Да что там говорить – я ведь поначалу даже радовался, глядя на плачущего мальчика.

Едва попав в Ад, я пытался помочь всем подряд, был способен к состраданию и бунту. Но так продолжалось недолго. Постепенно жалость к себе вытеснила все остальные чувства, я начал с удовольствием принимать награду, выдаваемую теньями за выполнение абсолютно бессмысленной работы, а попытки выбраться или взбунтоваться стали казаться глупыми и бесполезными. То же самое произошло со всеми остальными. Интересно, виной всему давящая атмосфера абсолютной безнадежности? Не знаю, но недавний инцидент отрезвил меня, я хочу заново научиться мечтать и чувствовать. Главное, чтобы это желание не осталось мечтой – мне нужен план. Как бы ни было сложно, я буду пробовать снова стать человеком. В конце концов, моя душа бессмертна – времени навалом. План предельно прост: у теней есть свои правила, значит, мне надо стараться их нарушать. Они открывают двери, приглашая нас на ежедневный бессмысленный труд? Я закрою эту дверь. Они хотят, чтобы мы ели эту коричневую гадость? Я буду бросать ее на пол. Если я выйду из двери и не сяду за стол, а пойду по коридору, как далеко я смогу пройти, пока они заметят проступок? Конечно, когда для протеста тебе доступны только комната и бесконечно длинный коридор, особо не разгуляешься. Но я ведь художник, воображение у меня хорошее. И я спасу бедного мальчика, если, конечно, его душа еще среди нас.

Для начала, пожалуй, нужно подняться с пола. Я медленно встал на колени – несмотря на значительный прилив внутренней бодрости, в теле еще была какая-то слабость. Хм, а это что? На полу в моей пустой безликой комнате, не предполагающей ничего лишнего, лежал небольшой черный предмет – овальной формы, размером примерно с мою ладонь. Я взял его, повертел, рассматривая в бледном свете лампочки. С поверхности находки на меня уставились два безумных зеленых глаза на бледном исхудавшем лице. В глаза лезли длинные, спутанные волосы. Мое отражение, догадался я, хоть и не сразу. Давненько я себя не видел. И неудивительно, что не признал – версия, надо сказать, не очень. Значит, мне в руки попало зеркало! И явно непростое – изображение львиной морды с открытой пастью, украшающее его верхний угол, можно увидеть на фасадах каждого собора в Инраме.

Как рассказывают легенды, многие тысячи лет назад на Земле существовало два царства: людей и зверей. Веками они жили бок о бок, пока миру не пришел конец. На трон животного царства поднялся Инракад, и его рев разнесся по всей земле. Инракад был прирожденным царем: лев исполинских размеров одним ударом лапы мог свалить слона. Ему не нравился установленный на земле порядок. Инракад считал, что голые, слабые, не приспособленные для выживания люди не являются частью природы. Новоиспеченный царь объявил войну. Он послал двух орлов выкрасть наследника человеческого престола – Анракада. Орлы выполнили свою задачу, и горю короля не было предела. В отчаянии он попросил помощи у Бога, и Бог помог. Он послал на землю первого священника, наделенного огромной силой – Шарида. Битва Инракада и первого церковника длилась целую неделю, пока в конце концов Шарид не отсек голову агрессору. Анракад вернулся домой, а разгневанный Бог отнял у зверей дар голоса и

навек заточил их в лесах и полях. По легенде, голова Инракада стала главным символом могущества церкви и вечным напоминанием для непокорных.

Но что эта морда делает тут, на зеркале, и откуда само зеркало взялось в моем аскетичном жилище? Судя по всему, в коридоре его обронила одна из теней, а потом зеркало затянуло вместе со мной за дверь. Судя по этой львиной башке, получается, что священники как-то связаны с тенями? При всей моей неприязни к церковникам, мне очень сложно в это поверить – как бы они ни ругали нас в детстве, зла явно не желали. И особой кровожадности, любви к пыткам за ними замечено не было. Главный вопрос состоит в другом: зачем теням вообще нужны зеркала? Сомневаюсь, что мерзким червеподобным тварям нравится смотреть на свое отражение. Еще минут двадцать я вертел зеркало, рассматривая его со всех сторон, но не обнаружил ничего необычного. Может, и правда потерявшая его тень была самовлюбленной?

Усмехнувшись этой мысли, я вспомнил нашего главного наставника Корнеля, который очень любил крутиться возле зеркала, так и эдак поправляя капюшон. Даже на минуту заходя в нашу комнату, чтобы убедиться, что мы мирно спим, он не упускал случая кинуть взгляд на свое отражение. За это мы прозвали его Нарциссом, хотя Корнель мне всегда нравился. Он немного отличался от других священников, был каким-то более человечным. Я даже пару раз видел, как он смеялся, а еще иногда «не замечал» наших шалостей. Другие священники его даже сторонились, и Корнель проводил больше времени с нами, чем с другими наставниками. Положа руку на сердце, большую часть знаний о мире я получил от него – иногда даже казалось, что в какой-то мере Корнель заменяет нам всем отца.

Своих родителей я не знаю, да и никто не знает. А скорее не хочет знать. Мы стараемся об этом не думать – не каждый хочет видеть в теле, подметающем улицу, мать или отца. Забавно, до меня только сейчас дошло, что, возможно, уже и сам являюсь чьим-то папой. А спустя лет десять мой сын точно так же будет делать вид, что не замечает своего внешнего сходства с моим чистящим отхожие места туловищем. В легендах говорится о том, что когда-то души не покидали тела людей в столь раннем возрасте. Более того, люди не расставались со своими телами до самой смерти. Я не особо верю этим легендам. Что могло произойти, чтобы мир стал таким? Мне кажется, он всегда таким и был, иначе кто в древние времена убирал улицы? Чистил отхожие места? Работал на пашнях? Неужели находились бы взрослые люди, добровольно занимавшиеся такой ерундовой работой, годящейся лишь для бездушных тел? Нет, бред. Все бы стремились стать священниками, а у кого не получалось, строили бы свой дом, заводили скот и спокойно жили, нигде не работая. У нас никто не грустил из-за того, что придется покинуть свое тело. С самого детства нам говорили, что душу после «освобождения» будет ждать бесконечно долгая жизнь в Раю или Аду. И большая часть разговоров в монастыре была именно об этом – друзья строили планы, как встретиться на небесах, или в шутку собирались вариться в одном котле. Никто на самом деле не думал, что попадет в Ад. Спроси тут каждого, и любой скажет, что он абсолютно невиновен, даже если регулярно побивал камнями и насиловал (были и такие мерзавцы) тела. Может быть, они и будут правы. Нам почему-то забыли выдать свод правил, предписывающих, как себя вести, чтобы попасть в Рай. Правило было только одно: освободить свое тело до 16 лет. Все остальные нравоучения говорились лишь в воспитательных целях. "Не дразни девочек, поздно покинешь тело и попадешь в Ад" – ага, конечно. Я-то порядком задержался, и наблюдал, как самые неприятные личности улетали одними из первых...

В раздумьях я не заметил, как пролетело время и погас свет, но спать совершенно не хотелось – наверно, «выспался» в отключке. Когда в монастыре отключали свет, через пару минут глаза привыкали к сумраку и могли разглядеть очертания предметов. Тут же – нет. Отключение света в Аду означает, что до утра ты уже не увидишь ничего, кроме проклятой черноты. Зато так действительно легче уснуть.

Уже проваливаясь в сон, подскочил – проклятье, чуть не забыл спрятать зеркало. Если для тени оно является чем-то важным, она будет его искать, а мне совсем не хочется, чтобы она его нашла. Когда смотришь на самого себя, тебе не так одиноко. Наверное, можно будет пару месяцев даже не выходить на работу, хотя завтра придется – обсудить с соседями сегодняшней инцидент. Надеюсь, у старика найдется, что сказать – за тысячи лет, что он здесь провел, должно было случиться что-нибудь подобное. А еще я хочу попробовать кому-нибудь помочь – интересно, как это место будет реагировать на добро? Может быть, в итоге тени утащат меня туда, где сейчас находится этот мальчишка. Для начала нужно спрятать зеркало. Как же трудно найти хорошее место, когда в твоём распоряжении только кровать и стул. Кстати, я никак не могу понять, зачем он тут? Посидеть на нем вечером и подумать о жизни? За весь год ни разу не присел на этот шедевр мебельных дел мастеров – облезлое дерево, рваная зеленая ткань, хрупкая спинка. Может, за пару тысяч лет и захочется присесть разок, хотя не думаю. А гости ко мне не ходят. Кровать выглядела чуть лучше, но максимально просто: продавленное скрипучее ложе на металлических ножках, поверх которого лежали матрац, одеяло и подушка. Лучше, чем ничего. Я бы не удивился, если бы создатель этого места вообще решил оставить только голые стены и лампочку.

Кстати, лампочка висела на четырех креплениях – между ними и потолком было немного свободного пространства, вот какое место можно приспособить под тайник. Когда она горит, тайник не будет видно из-за света, а ночью и так ничего не видно. Я тут же проверил теорию – балансируя на пружинах кровати, попытался спрятать зеркало под потолком. Отлично! Теперь можно с чистой душой уснуть. Но сон не шел. В голове опять прокручивалась сцена с нападением теней на ребенка. Мог ли я помешать, учитывая, что меня пару лет готовили к будущей патрульной службе в нашем городе? То есть готовили на будущее мое тело, пока я еще сидел внутри. Самых крупных и ловких мальчиков церковники отправляли на отдельные курсы. В будущем их тела должны предотвращать стычки между другими телами. Это настоящие боевые машины и, наверное, никто не рискнул бы кидать в них камнями. Последствия их ярости могут быть действительно страшными. Один такой патрульный как-то раз взбесился на улице – ему показалось, что подросток проявляет излишнее внимание к его женщине. В итоге целая группа была покалечена, а парню боевик буквально оторвал голову. Мое тело тоже сейчас, наверное, следит за соблюдением порядка. Хотя я никогда не отличался особой мускулатурой, зато был высоким, жилистым и ловким. Тренировки проходили по четыре часа ежедневно, каждое утро начиналось с долгих забегов вокруг монастыря, а заканчивалось спаррингами с другими мальчиками. Первый год я регулярно ходил побитым, а потом начал входить во вкус и частенько одерживал победу даже над более сильными соперниками. Навыки у меня сохранились, но почему-то напасть на тень не осмелился. А ведь у нее есть голова, а значит – есть место, куда бить. Вот я быстрым ударом ноги сношу голову одной из теней, уклоняюсь от атаки второй, хватаю ребенка и бегу с ним по коридору. А вот я закрываю мальчика своей спиной, встаю в стойку и начинаю ждать удара теней, при этом ухмыляюсь, чтобы они не подумали, что я их боюсь. С головой погрузившись в эти приятные фантазии, я и не заметил, как уснул.

Глава 5

Рай

Элисс нервно раскачивалась в кресле-качалке. После всего, что сегодня случилось, спать было невозможно, поэтому девушка решила дожидаться утра и посмотреть, как именно ангелы будут убирать остров Бити. Вопросов было куда больше, чем ответов. Кто мог оставить послание таким жутким способом? Для кого предназначалось послание? И, главное, как можно убить душу? Элисс вышла на пляж, чтобы кое-что проверить. Углубившись в пальмовые заросли, девушка нашла то, что искала. Небольшой, но увесистый камень идеально подходил для ее задумки – края не очень, но достаточно острые, чтобы пробить человеческую плоть.

Элисс положила руку на порог своего дома и попыталась найти в себе достаточно смелости, чтобы осуществить задуманное. Возможно ли навредить душе на райском острове? Еще вчера она могла бы опустить камень, абсолютно не веря в возможность последствий. Но теперь, когда окровавленный труп Бити лежал буквально в двухстах метрах, уверенность в неуязвимости сильно пошатнулась. Мысленно досчитав до десяти, Элисс крепко зажмурилась и со всей силы ударила камнем по руке. На долю секунды девушка почувствовала фантомную боль, но, открыв глаза, убедилась – ее длинные тонкие пальцы целы и невредимы. Для уверенности она еще несколько раз ударила камнем по руке, эффект тот же. Душе нельзя причинить вред, а уж тем более – убить.

Эксперимент ясности не внес, наоборот, стало страшнее. Кто он, убийца? Что это за человек, не оставляющий следов и способный убить душу, да еще так хладнокровно? Может быть, это ангелы? Но зачем им убивать бедную Бити, да еще оставлять на ее спине жуткое послание? При желании ангелы могли бы сказать что угодно каждому из нас лично... И что может значить "Вернитесь"? Куда вернуться? На Землю? Если бы это только было возможно...

В голове зашевелилась догадка, требующая подтверждения. Элисс, проклиная песок, не позволяющий идти быстрее, поспешила к одной из соседок Бити – Инес. Это была высокая девушка лет двадцати со стержовым характером. Злоязычная и вредная, себя она всегда считала святой и очень правильной, а свои ошибки относил на счет окружающих. В другое время Элисс предпочла бы найти иного собеседника, но сейчас эта болтушка была как раз тем, кем нужно.

К счастью, Инес еще не спала, она лежала на пляже и созерцала искусственные звезды. Когда Элисс подошла ближе, девушка дернулась и с явным испугом стала всматриваться в темноту.

– Ааа, это ты... – Инес вздохнула с явным облегчением. – Ты слышала новость?

– Если ты о Бити, то да, я видела ее тело, – Элисс не удивилась, что сплетница Инес уже в курсе дневного происшествия.

– Да! Представляешь, я сегодня зашла к ней вечером, а она вся в крови лежит на полу! Это было ужасно, я сразу побежала к девочкам, мы думаем, в Раю появился маньяк. Ты так тихо подкралась, что у меня душа в пятки ушла – страшно теперь тут жить, правда? Господи, как же мне жаль Бити, она была такой жизнерадостной и чудесной, – шмыгнула носом хозяйка острова. Элисс слушала причитания, а ее руки чесались дать пару тумачков – когда Бити была жива, Инес никогда не упускала случая перемять косточки соседке. А сейчас, как обычно, пытается строить из себя святую.

– Извини, у меня нет настроения обсуждать это. Я зашла спросить – ты не помнишь, кто сейчас на Земле главный священник? Весь день крутится на языке, а никак не поймаю!

– Ты больная, что ли, думать о Земле, когда тут такое творится? Ну, Роланд еще при мне был главным – это ведь все знают! – на лице Инес читалась обида, ей не терпелось обсудить убийство соседки со всеми вокруг.

– Спасибо. А сколько ты уже здесь находишься? – Элисс затаила дыхание, хотя уже догадывалась, каким будет ответ.

– Четыреста пятьдесят лет! – гордо, словно в этом была ее заслуга, сообщила Инес. – Что тебя еще интересует? Вообще-то Бити была твоей подругой. Тебе совсем плевать на то, что с ней случилось! Судя по презрению, искажившему лицо Инес, кажется, она начала считать себя единственной неравнодушной душой во всем Раю.

Справившись с очередным приступом желания окунуть лицемерку в воду, Элисс буркнула "спасибо" и отправилась к себе. Ее догадки подтвердились, удалось кое-что сопоставить. В Раю не очень-то охотно говорили о своей земной жизни, у многих от таких разговоров портилось настроение – на эту тему существовало негласное табу. Но сейчас из-за чрезвычайного происшествия Элисс удалось застать одну из старожилок врасплох и узнать то, о чем раньше она лишь смутно догадывалась. Роланд возглавил церковь всего двадцать лет назад, а значит, время тут идет для обитателей в тысячи раз быстрее, чем на Земле. Может, поэтому в Раю так много душ, которым с виду далеко за сорок? Душа стареет вместе с телом.

У Элисс возникла пугающая догадка. А что, если убийца живет на Земле и никогда не появлялся на островах? Может, убив тело, можно убить и душу? Элисс вдруг почувствовала себя беззащитной – как бороться с тем, кого вообще нет в ее мире? Элисс очень не хотела оказаться следующим холстом для послания неизвестного маньяка. С другой стороны, если убийца, действующий на Земле, так хорошо знаком с законами Рая, может быть, он тот, кому удалось отсюда вырваться и вернуться?

Погруженная в размышления, Элисс не заметила, как пришла домой. Взяв из корзины яблоко, она поудобнее свернулась в кресле и настроилась на долгое ожидание. Ее окно выходило на остров Бити. Пропустить приход ангелов, которым придется зачищать место преступления, она никак не хотела. Зевнув, Элисс начала копаться в земных воспоминаниях. История с похищениями даже здесь, в Раю, до сих пор иногда мешала ей заснуть.

Сколько ей было тогда – двенадцать? Элисс без сил валялась на кровати в своей комнате. В помещении стоял стойкий запах рыбы, ведь днем им пришлось учиться выполнять работу тел-рыбаков, и руки сейчас просто отваливались. Она трудилась в паре с одной из своих соседок, по очереди работая веслами и перебирая сеть. Напарницей Элисс была очень маленькая и слабая девочка, которой хватало всего полчаса возни с сетью. Это занятие очень выматывает физически, приходится все время поднимать тяжелую паутину со дна и держать ее на весу. Так что тягать сети и при этом еще выслушивать нескончаемый поток жалоб пришлось Элисс. И сейчас она лежала, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Когда, как обычно, соседки по комнате принялись обсуждать мужскую часть монастыря, Элисс закатила глаза и перевернулась на другой бок. Хорошо хоть Арилы нет, иначе обсуждения были бы куда громче, и заснуть получилось бы, лишь когда Арила утомится. Увещевать ее невозможно, все, чего можно добиться – чтобы девчонка помолчала пару минут, прежде чем затрещать с новой силой. Наверное, гуляет сейчас со своим четырнадцатилетним напарником, а может, перемывает косточки нам в соседней комнате. Наслаждаясь относительной тишиной, Элисс погрузилась в сон.

Они пришли ночью. Проснувшись от скрипа, Элисс увидела две высокие фигуры священников в дверном проеме.

– Она все еще не вернулась, – голос был незнаком Элисс, но, судя по интонации, именно его обладатель был главным среди этих двух.

– Мы прочесали всю округу, ее нигде нет. Может, утонула? – в словах второго священника читалась надежда – он очень хотел, чтобы все было именно так.

– Утонула на глазах сотни людей и никто этого не заметил? Вы говорили с мальчиком, который был с ней в паре? – главный начинал раздражаться.

– Он говорит, что во время обеда побежал к своим друзьям, а когда вернулся, ее уже не было. Вы думаете... это вернувшиеся? – Элисс узнала голос. Это был их наставник Каррим. И он был явно чем-то напуган.

– Я ничего не думаю, нужно продолжить поиски. Занятия завтра проходят по плану, – дверь закрылась, они ушли.

А Элисс лежала в темноте, чувствуя себя преданной. Каррим был их наставником всю жизнь, а сейчас говорит о смерти своей подопечной с надеждой в голосе. Никогда еще Элисс не чувствовала себя такой одинокой и никому не нужной. В этот момент разрушились все ее иллюзии – она больше не могла относиться к священникам как к родителям. Легенда о том, что священники – самые чистые души, вернувшиеся на Землю из Рая, рухнула.

На следующее утро перед завтраком в комнату вошел Каррим. Нарочито бодрым голосом он попросил девочек никому не говорить о том, что Арилла пропала. На взволнованные вопросы ответил, что девушка сейчас находится в лечебнице и в ближайшее время в комнату не вернется. Элисс старалась не смотреть ему в глаза. Она знала правду, но не стала никому ее рассказывать. Ей не хотелось, чтобы пропажа Ариллы превратилась в местную сенсацию, и тем более оказаться в самом эпицентре обсуждений.

После завтрака священники повели свои группы на работу – Элисс снова предстояло рыбачить. Мышцы после вчерашнего ужасно болели, и она надеялась, что сегодня в пару поставят какого-нибудь мальчика, иначе руки просто отвалятся. Ребята прошли через просторный парк, окружающий монастырь – тысячи разнообразных растений делали воздух не только чистым, но и душистым. Что ни говори, а священники умеют жить с комфортом. Но группа вышла в рабочий район, и в нос Элисс сразу ударила вонь, а из бараков, стоящих вдоль дороги, до процессии донеслись привычные для этого места звуки: чавканье, визги, стоны. В открытое окно одного из бараков Элисс увидела старика, лежащего на полу в углу длинной комнаты – бетонированный пол был усыпан испражнениями, огрызками, костями. Элисс сначала показалось, что старик мертв, но тут тело поползло к центру комнаты, где прямо на полу громоздился запас еды. Ноги старику не подчинялись – они просто волочились за ним. Несчастный был близок к цели, когда на него налетел молодой крепкий парень. От града ударов старик защищал только голову, а мужик методично махал кулаком, как обезьяна, пытающаяся расколоть орех. Он стучал ручищей, пока колтун седых волос не окрасился кровью. Элисс показалось, что старик уже мертв, но тут он, уже гораздо медленнее, пополз обратно в свой угол.

Элисс отвернулась и побежала догонять свою группу. Ей сейчас очень хотелось верить, что душа старика находится где-нибудь в Раю. Почувствовав на себе взгляд, девушка резко обернулась. Неподалеку стояло тело с метлой. Оно смотрело прямо на нее... осмысленно. Глаза не были стеклянными, это тело думало, и думало о ней. Элисс бросило в холодный пот – она ускорила шаг и побежала, услышав, что тело идет прямо за ней и ускоряется. Впереди замаячила группа. Только догнав подруг, Элисс осмелилась обернуться. Улица была пуста.

* * *

Воспоминания помогли убить время до утра, но спать хотелось ужасно, а предстояло еще немного потерпеть. Оторвавшись от окна, Элисс чуть не закричала: в центре комнаты молча стоял ангел, а она даже не слышала, как он вошел. Небесное создание смотрело и улыбалось – не улыбаться оно не могло. Впервые увидев одного из хозяев Рая так близко, Элисс окончательно убедилась, что его добродушие – всего лишь маска. Пустые глазницы и будто резиновое лицо, искусственная улыбка и тишина заставляли кровь стынуть в жилах. Ангел о чем-то

думал, а Элисс боялась даже пошевелиться. Немая сцена длилась около минуты, пока наконец ангел не принял решение – поставив корзину с фруктами на стол, покинул домик.

Элисс выдохнула. Кто знает, на что способны эти белые сущности? На этот раз повезло, но дело не окончено. Уже понимая, что рискует, Элисс снова повернулась к окну, чтобы продолжить наблюдения за островом несчастной Бити. А там уже собрались четыре ангела – их тени мелькали, исполняя какой-то ритуал. Пол под ногами вздрогнул и завибрировал, а остров Бити стал уменьшаться в размерах, медленно погружаясь в океан. Спустя полминуты на поверхности остались торчать только пальмы, а еще секунд через десять не осталось и их – лишь ангелы продолжали парить над водой. Поняв, что ничего интересного больше не предвидится, Элисс легла спать.

Проснулась она уже днем – свежая и бодрая. Слава богам – у духов, населявших Рай, не может болеть голова от недосыпа. Элисс выскочила из дома и направилась по мосту напрямик на то место, где еще вчера волны омывали остров ее приятельницы. Она собиралась осуществить вторую часть плана, очень надеясь, что ее бестелесной душе не составит труда долго находиться под водой. Набрал в легкие побольше воздуха, Элисс нырнула. Глубина оказалась совсем детской – не больше двух метров. Учитывая, что когда-то девушка легко конкурировала с рыбами бурной, мутной реки, омывающей Инрам, проблем не предвиделось. Пара гребков, и Элисс на дне. Оно оказалось абсолютно ровным – никаких следов вчерашнего апокалипсиса в целом и острова в частности девушка не обнаружила. В песке белело что-то совсем небольшое, но явно не природного происхождения. Без труда доплыв до находки и вытащив ее из песка, Элисс оттолкнулась ногами от дна и стремительно понеслась к поверхности.

Глава 6

Ад

Дверь откроется с минуты на минуту. И я впервые едва себя сдерживаю, чтобы не начать дергать ручку. Интересно, как пройдет мой первый день в роли бунтаря? Еще вчера я планировал обсудить все с моими товарищами по несчастью, но сегодня было не до этого – энергия бурлила, требуя действовать, а не говорить. Дверь скрипнула, я, подобно урагану, вырвался наружу и остановился как вкопанный. Коридор потерял свою бесконечность, с каждого конца обзаведясь тупиком. Кажется, тени просто вырезали нас из общего Ада – хорошо это или плохо, пока не понятно. Стол и стулья тоже отсутствовали, а в самом центре коридора стоял тот самый мальчик. Ребенок вовсе не был привлекательным малышом. Его и без того узковатые, не слишком красивые глаза теперь горели ярко-красным огнем. Позади новичка, впиваясь когтями в его голову, парила тень. Устав ждать, когда все соберутся в коридоре, тень махнула свободной рукой, и души кубарем выкатились из своих комнат, после чего двери захлопнулись.

– К сожалению, вчера вы видели слишком многое, – голос мальчика изменился со вчерашнего дня, стал тихим и скрипучим, и, несмотря на это, эхом отскакивал от стен. По жабьи растянувшись, его губы искривились. – Для вашего блага вы должны пройти реабилитацию.

Конечно, говорила тень, а вовсе не мальчик – я сразу понял, что тварь использует беднягу в качестве передатчика.

– Сегодня вы познакомитесь со своим новым распорядком дня, – по мере того, как когти впивались все глубже в голову, кончики пальцев ребенка начали подергиваться.

Я ждал. Теперь, когда тень шипела прямо передо мной, вчерашняя решимость позорно таяла. Как заклинание, я твердил себе: возьми себя в руки, тебе нечего терять! Я душа, я бестелесный дух, нужно лишь сделать первый шаг, осмелиться. Каждая секунда промедления искушала, но я должен. Не хочу сгинуть в этой дыре, как жалкий червяк. Чувствовалось, что мое настроение кое-кто разделял – напряжение вокруг сгущалось.

Когда я побежал, стремительно сокращая расстояние между собой и тенью, страх исчез, остался только адреналин. В паре шагов от цели моя рука начала подниматься для удара, и тут тень подняла свою конечность. Меня швырнуло о стену, как тряпичную куклу, и если не размазало, то только благодаря моей прижизненной монастырской подготовке. С пола я видел, как рука твари начала сжиматься в кулак. Это движение отозвалось во мне тысячей раскаленных игл – дикая боль пронзила каждый орган, каждый миллиметр кожи. Я одновременно ощущал, как ломаются кости, как взвыли разом все зубы, как разрывается живот. Свернувшись в клубок, я не хотел кричать, но выдержал не больше трех секунд. Дикий крик сам вырвался из моей груди, а боль не отпускала ни на миг. Я орал, корчась на полу, а тень изучающе смотрела на меня.

Все прекратилось так же моментально, как и началось – я ежился на полу, судорожно глотая воздух. Боли не было, но воспоминания о ней не давали встать на ноги. Наконец, цепляясь за стенку, я поднялся. На повторное геройство сил не было, да и желания, если откровенно, пока тоже. Все вокруг были напуганы, некоторые пытались вернуться в свои комнаты, но двери оставались закрытыми.

– Итак, настало время первого урока, – жабьи губы снова растянулись в улыбке. – Нарушителей вы будете наказывать сами.

Мальчик-марионетка безвольно зашагал ко мне, ведомый впившейся в голову костлявой рукой твари. Я попытался морально подготовиться ко второй порции пыток, но тень остановилась возле Лоренца. Я с удивлением и некоторой гордостью осознал, что больше не боюсь ее – осталась только ненависть, и червеподобное существо это, кажется, видело. Силы вернулись,

моя рука вновь поднялась для удара. Я чувствовал себя крысой, которую загнали в угол, и, как она, почти бросился на угрозу. Но тень щелкнула пальцами, и мрамор пола, такой незыблемый и вечный на вид, стал подниматься. Он сковал обе ноги, не давая мне пошевелиться, а затем пополз выше, пленив руки.

– Ты будешь первым, – мальчик протянул Лоренцу кинжал с изогнутым лезвием. Мой приятель взял его дрожащей рукой, стараясь не смотреть в глаза ни тени, ни мальчику, ни мне. – Нанеси ему удар и передай оружие следующему.

Тень поплыла обратно, на исходную позицию. Лоренц встал передо мной, сгорая от стыда. Понятно, что в этом месте воля людей подавлена – кроме собственной шкуры, для них вряд ли что-то имеет значение. Не желая продлевать его душевные муки, киваю – бей, приятель, я готов к удару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.